

http://arahau.ucoz.ru/publ/estestvennye_jazyki/balkanizm_v_adygejskom/4-1-0-28

В последнее время перспективным направлением в балканистике считается расширение границ Балканского языкового союза. В его базовый состав принято включать болгарский, македонский, албанский, румынский, а также отчасти новогреческий и сербскохорватский. Адстратные черты балканских языков приобрели цыганский, гагаузский языки и ладино.

Сегодня исследователи сопоставляют балканские особенности с характерными языковыми чертами других ареалов Европы и даже шире – Евразии. Внимательное ареально-типологическое рассмотрение «циркумбалтийского ареала» [1] показало, что имеются черты, объединяющие его с Балканским языковым союзом (в высокой степени свободный порядок SVO, возможно, наличие эвиденциала, постпозитивные артикли). Таким образом, оба ареала представляют собой как бы переходную зону между Standard Average European (SAE) языковым типом и типом, представленным в центрально-евразийских языках. При этом балканский ареал более втянут в SAE союз, чем языки северной части Восточной Европы. [2]

При расширении географических границ Балканского языкового союза возникает закономерный вопрос: не является ли такое сходство структурно-типологических признаков поверхностным явлением. Если говорить о проявлении свойств Балканского языкового союза в персидском и армянском еще представляется возможным ввиду небольшой удаленности лингвистических ареалов, то как быть с другими, более странными, примерами? Например, в южносулавесийских языках тоже есть постпозитивный артикль, неопределенный гласный э в ударной позиции, местоименный плеоназм... Например, в бугийском языке: *n-ánre-tó-n-i ápi gəddonj-é* «Склад был также уничтожен пожаром» (он-уничтожать-также-уже-его огонь склад-артикль).

Отмечается, что гласный похожий на [э] существует не только в албанском, румынском и болгарском, но и американского варианта английского языка (ср. *curry* [kəɹi], *encourage* [ɪnkəˈrɪdʒ]), а также в некоторых западно-романских языках (португальском, каталонском, отдельных диалекты итальянского). [4]. Ротацизм, отмеченный в румынском и албанском (тоскский диалект), имел место в большинстве германских языков и латыни. Наконец, умлаут, широко представленный в албанском, происходил в германских и тюркских языках. [5]

Как оказывается, многие явления, считавшиеся сугубо балканскими, существуют и за пределами балканских языков. Например, нейтральный гласный ɹ [э] и постпозитивные артикли в армянском языке – *u*, *ɹ* для первого и второго лица: *tetr* тетрадь, *tetr* моя тетрадь, *tetrums* из моей тетради. Из той же серии изафетные конструкции в персидском языке при наличии постпозитивного неопределенного артикля, фонетически совпавшего с рефлексом старого указательного местоимения [6] В албанском мы также имеем дело с частичным совпадением (или общим происхождением) постпозитивного и связующего артиклей: в таджикском *китоб-и хуб* (хорошая книга, букв. «книга-она хорошая») – в албанском *miku i dashur* (милый друг). В курдском языке изафетный показатель имеет разные формы в зависимости от рода и числа имени: *дэст-е р'аст* правая рука (м. р.), *сев-а тьри* кислое яблоко, *сев-ед тьри* кислые яблоки. Сравните суфигированный постпозитивный определенный артикль в скандинавских языках (в датском языке *skib* – *skibet* «корабль»), членные формы прилагательных в литовском и русском (*красив-ый*, *красив-ая* – букв. «красив-он», «красив-она»). Аналогичные явления, характерные для Балканского языкового союза просматриваются в валлийском языке: затемненный гласный

у [ə], местоименный плеоназм: притяжательные местоимения ставятся впереди определяемого ими имени, за которым может следовать соответствующая форма личного местоимения (*fy mara i* «мой хлеб», *dy fara di* «твой хлеб», *ei fara fe* «его хлеб» и т.д.).

В этой связи интересно рассмотреть проявление свойств Балканского языкового союза в адыгейском языке. Примечательно, что эти характерные явления проявляются в адыгейском языке даже более регулярно, чем в некоторых языках Балкан. С другой стороны, структурные балканизмы трудно выявить в других кавказских языках.

На **фонетическом уровне** в адыгейском языке редуцированный гласный «шва» *ы* [ə] может стоять в ударной позиции (в албанском *ë*, в болгарском *ъ*, в румынском *ă*), есть зачатки гармонии гласных, отсутствует противопоставление гласных по долготе, отсутствие геминат, наличие специфических пар латералов *л-ль* (в албанском I-II) и пар аффрикат *дж, дз, ц, ж-жь, ш-шь, ч-чь* (в албанском *xh, x, c, zh-th* [θ], *sh-dh* [ð], *ç-q*; в македонском *ц-s*; в сербском *ћ-ђ*). В адыгейском языке известно чередование *кI>чI/щI* (сравните в македонском *ќ<ч, ђ<дж*): *кIалэр / щIалэр* парень.

Перейдем теперь к **грамматике**.

Начнем с того, что в адыгейском языке есть **категория определенности** и неопределенности, выражающаяся постпозиционными формантами и напеминающими суффиксированные артикли языков Балканского союза. В адыгейском языке в роли суффикса определенности выступают форманты именительного и эргативного падежей: *-р, -м*: *кIалэ* «юноша» - неопределенная форма, она употребляется тогда, когда речь идет о каком-нибудь юноше; *кIалэр, кIалэм* «этот юноша» - определенная форма, используется она тогда, когда мы имеем дело с конкретным, известным человеком. [7] Формант определенности (*-м*) сохраняется при склонении имен в творительном падеже (*-кIэ*): *уатэм-кIэ* «молотком», *дыды-м-кIэ* "шилом". *Пхъашлэм уатэмкIэ гъучыIунэр пхъмэбгъум хиIугъ* «Плотник молотком забил гвоздь в доску».

Все балканские языки, кроме греческого и цыганского, имеют **определенный артикль**, присоединяющийся к концу имени (а не к началу, как, например, в английском, немецком и французском). Ни один романский и ни один славянский язык, не принадлежащий к балканскому языковому союзу, не имеет постпозитивного артикля. Он считается инновацией, возникшей либо на общепалканской почве, либо на албанской (и распространившейся оттуда по всему балканскому ареалу).

Хотя сам факт наличия постпозитивного артикля объединяет балканские языки, сами эти артикли возникли на основе слов, не относящихся к общепалканскому фонду. Так, румынский артикль произошел из указательных местоимений, общих для романских языков, а болгарский – из местоимений славянского происхождения.

	Жен. род		Муж. род	
	неопр.	опред.	неопр.	опред.
албанский	shtëpi	shtëpia	qiell	qielli
болгарский	жена	жената	мъж	мъжът
македонский	жена	жената	маж	мажот
румынский	casă	casa	cer	cerul

Так, Ю. Кузьменко пытается объяснить возникновение постпозитивного артикля в индоевропейских языках (балканских, скандинавских, армянском) контактным влиянием языков с *посессивным склонением* [8]. В отношении балканских языков речь идет о доосманских тюрках, исчезнувших на Балканах, не оставив существенных языковых следов. Однако в свете вскрывшихся аналогий можно предположить, что на характерные особенности языков Балканского союза обязаны некоему кавказскому субстрату Европы (сравните эускаро-кавказскую гипотезу в попытке объяснить происхождение баскского

языка). Если это предположение признать вероятным, то постпозитивные артикли балканских языков можно увязать с остаточными явлениями эргативности (хинди – единственный индоарийский язык с эргативным строем, который, правда, ограничен обычно планом прошедшего времени). Кстати сказать, македонский язык – единственный из всех славянских имеет морфологический показатель переходности глагола – формы кратких личных местоимений в аккузативе - *ме, те, го, ја, не, ве, ги*: *Командирот ги враќа војниците* (Командир возвращает солдат), но *Командирот се враќа* (Командир возвращается).

Есть еще сходства адыгейского языка с балканскими языками:

1. **Упрощение падежной системы** (адыгейский эргатив выполняет функции косвенного объекта, генитива и латива). Для нас важно отметить совпадение родительного и дательного падежей, а также неразличение локативных значений места и направления: сравните фразу «В Греции, в Грецию» в албанском *Në Greqi*, македонском *Во Грчка*; в адыгейском *Чылэм цыI* (в ауле находится), *Чылэм кIуагъэ* (В аул поехал).

«Я дал книгу Маше. Это книга Маши» - в албанском *«Ia dhashë librin Marisë. Është libri i Marisë»*; в болгарском *«Дадох книгата на Мария. Книгата е на Мария»*; в адыгейском

2. **Прилагательные** могут располагаться перед именем (относительные прилагательные, которые нельзя поставить в сравнительную степень), так и после имени (качественные прилагательные):

Пхъэ Iанэ – деревянный стол, *ГъукIэ гъогур* - железная дорога (эта); *KIалэ дэгъу* – парень хороший / хороший парень.

В албанском: *Miku i dashur / Dashuri mik* – Милый друг.

3. Сходство в оформлении **именной группы** (маркируется падежными окончаниями и показателем определенности первый член синтагмы, независимо от того, выражен ли он прилагательным или существительным). В адыгейском: *KIалэ дэгъухэр* (хорошие парни), *Пхъэ Iанэхэ* (деревянные столы).

4. **Сравнительная степень прилагательных** строится аналитически: Для образования сравнительной степени употребляются следующие префиксы: болгар. *по-*, албан. *тё-*, румын. *таi-*, новогреч. *piо-*. В адыгейском используется формант *нахь/анахь*: *Ар оц нахь лъагэ* – Он тебя выше.

5. Специфическая роль **местоимений**. Краткие (энклитические) и полные местоимения: в болгарском *мене – ме, ни – нас, те – тебе, ви – вас, го – него, я – нея, ги – тях* (в винительном падеже), в адыгейском *сэсый – си* (мой), *оуий – уи* (твой), *ийй – я* (их). Сравните в адыгейском: *си-тхьылъ* (моя книга), но *Мы тхьылъыр сэсый* (Эта книга моя).

В балканских и адыгейском языке известен **местоименный плеоназм** местоименная реприза, когда помимо имени, выражающего дополнение, в предложении присутствует еще и местоимение, согласующееся с ним в роде, числе и падеже: фраза «Я вижу Георгия» - албан. *E shikoj Gjergjin*, болгар. *Виждам го Георги*, македон. *Го гледам Ѓорѓи*, новогреч. *Тон βλέπω τον Γιώργο*, румын. *Îl văd pe George*, адыг. *Сэ сэ-плъ Еджэрэм*. В адыгейском языке правда местоименная клитика присоединяется к глаголу для обозначения лица: *Сэ газетым сэ-джэ* – Я читаю газету, *Тэ газетым те-джэ* – Мы газету читаем. В адыгейском языке своеобразен способ выражения **притяжательности**:

KIалым ы-пэ – Нос мальчик (буквально «Мальчика его-нос»). В кабардинском языке эта местоименная клитика пишется отдельно, а в адыгейском вместе, но если существительное пишется с большой буквы, то раздельно: *Адыгэ Республикэм и Гимн* – Гимн Республики Адыгея (букв. «Адыгейской Республики его Гимн»). Посмотрим как бы звучала эта фраза в албанском – *Himni i Republikës së Adugea*.

Интересно, что такая специфическая манера передачи притяжательности известна папуасским языкам. Сравните в языке табело (севернохальмахерская группа): *o bereki ami tau* – дом старухи (буквально «старуха ее дом»); в адыгейском языке: *Лыжъым и-унэ* – дом

старика (старика его-дом).

6. Форма **будущего времени** в балканских языках образуется аналитически, при помощи вспомогательного глагола или частицы со значением намерения или желания.

Фраза «Я увижу» – *Do të shikoj* (тооский диалект албанского языка) *Kam te shik* (гегский диалект албан. яз.), *Θα δω* (новогреч.), *Ще видя* (болгар.), *Сэ сэплъэщт* (адыгейский язык).

Интересно, что адыгейский формант будущего времени *-щт* напоминает аналогичный болгарский показатель *ще* < *хоще*.

7. Балканские языки образуют **числительные** от 11 до 19 по распространённому в славянских языках локативному типу, то есть по схеме «число» + «на» + «десять». Только в греческом языке числительные образуются иначе (11 *έντεκα* < *ένα*+*δέκα*). албанский.....njëmbëdhjetë.....një + mbë + dhjetë

болгарский.....единадесет.....един + (н)а + десет

румынский.....unsprezece.....un + spre + zece < *unu + spre + dece

адыгейский.....пшЫкIузы.....пшЫ + кIу + зы 10+на+1

Количественные числительные от 11 до 19 образованы при помощи соединительного элемента *-кIу-* от числительного *пшЫ* десять и соответствующих единиц до 9 включительно: *пшЫкIузы* одиннадцать, *пшЫкIутIу* двенадцать, *пшЫкIутIуфы* пятнадцать, *пшЫкIухы* шестнадцать и т.д.

А вот, например, абхазские числительные строятся по-другому: 1 – *акы*, 10 – *жэаба*, 11 – *жэеиза*, 5 – *хуба*, 15 – *жэыху* (для неразумных существительных).

КСТАТИ:

Вообще, о кавказском субстрате европейских мифов имеется обширная литература, начиная с древних писателей Греции и Рима. Да и в современном мифотворчестве этнографические загадки Кавказа привлекают создателей фэнтези. Например, стилистику письменности эльфов (*тенгвар*) создатель трилогии «Властелин Колец» Дж.Р.Р. Толкин, очевидно, позаимствовал у армянского письмотворца Месропа Маштоца. А имя белого мага велеречивого Саурона, вероятно, восходит к Сырдону (осетинскому Локи) нартовского цикла. Кстати, изобретенная Сырдоном лира (*фандыр*) из руки убитого сына подозрительно напоминает древнегреческую *Пандору* (М. Фасмер указывал на неиндоевропейскую основу этого слова), выпустившую из некоего ящика тьму болезней и, говорят, саму смерть... Да, что там! – имя греческой Психеи имеет, возможно, абхазо-адыгское происхождение (именно в этих языках *Псэу* означает «вода»). Похоже, например, звучат слова 'сова' в греческом и адыгейском: *κοκκοῦβάγια* и *кукумяу*.

Более того, кавказские языки помогли установить, что древнее название медведя у балто-славян было *Мишка* (сравните литовское *miškas* 'лес' и в адыгейском *мышьэ* 'медведь' – *мэз* 'лес'; *моз* по-чеченски 'мёд'). Обратите внимание на адыго-балто-славянские параллели: *анэрэ* – первый (в грузинском *pirvuli*), *ащ-ащ-аз* (я; в адыгейском *ащ* "он" в эргативе), *ий-жо-его* (в праславянском и "он"). В чеченском языке есть слово "*бирдолаг*", которое означает "летучая мышь" (упырь). Не объясняет ли это происхождение слова "*вурдалак*"? Ведь раньше считалось, что это слово происходит из южнославянского "*волкодлак*" (волчья шкура). Вообще, занимаясь албанской мифологией, можно заметить параллели между Кавказом и Балканами. В горных районах до нач. 20 в. возводились *кулы* (*kulla* – буквально "башня", сравните в ингушском *гIала* "башня"). Слово *nusja* в албанском означает "невеста", сравните в адыгейском *нысэ* "невестка", в чеченском *нус* "сноха", в баскском *neska*

"девушка".

Еще одна параллель связывает вайнахов с этрусками. Это само их название. В селе Земо-Алвани Ахметского района Грузии живут близкие родственники чеченцев и ингушей – бацбийцы – самоназвание *бацав* (ед. ч.), *бацби* (мн. ч.). Этот этноним напоминает название другого реликтового этноса "баски" (кстати, "*баскех*" адыгейцы называли в древности абазинцев). Издавна на Кавказе бацбийцы были известны, как *туши*, или тушины (в античной традиции туски). А, как известно, этрусков (самоназвание *расена*) называли точно также – *туски* (место их расселения и сейчас называется в Италии, как Тоскана). У вайнахов была известна богиня плодородия *Тушоли* (также назывался у них и месяц апрель). Похожий корень имелся в названии столицы Урарту – *Тушна*. (Кстати от бацбийского *Ал в-а* "Князь говорит" некоторые исследователи производят название страны Албания, правда, это не объясняет существование одинакого названия на Кавказе и Балканах). Сравните также название Нихичевань (древний ареал обитания Урартов) и этноним чеченцев *нохчи*. Более того, как известно, столица нынешней Армении Ереван происходит от урартского слова *Эребуни*. В греческой мифологии Эреб (*Ερεβος*) – персонификация мрака, сын *Хаоса* и брат Ночи.

[1] Koptjevskaja-Tamm, M., Wälchli, B. 2001. The Circum-Baltic languages. An areal-typological approach // Ö. Dahl & M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). Circum-Baltic languages. Vol. 2. Amsterdam/Philadelphia

[2] _____ там _____ же

[3] Русаков А.Ю., Албанский язык: между Востоком И Западом (IX Конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы. Доклады российских ученых. - СПб., 2004.

[4] Avram A., Sur les voyelles neutres en roumain, en albanais et dans les langues romanes occidentales // Revue roumaine de linguistique, 1990.

[5] Русаков А.Ю., 2004.

[6] Эдельман Д.И. Иранские и славянские языки. Исторические отношения. М., 2002.

[7] Рогавя Г.В., Керашева З.И., Грамматика адыгейского языка. Краснодар – Майкоп, 1966.

[8] Kuzmenko Ju. K., Die Quellen der Artikelsuffigierung in den Balkansprachen // Актуальные проблемы балканистики. СПб., 2003.